

Гражданское общество и правовое государство. КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И РОССИЙСКОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ

Автор: М. В. ШУГУРОВ

Претворение в жизнь положений международных соглашений по правам человека сейчас значительно шире, чем несколько десятилетий назад. Оно призвано осуществляться не только на уровне реализации законодательных, судебных и административных усилий со стороны государств по выполнению взятых на себя международных обязательств, но и на уровне правовых культур и правового сознания. В этой связи большой научный интерес и практическую значимость представляет анализ эволюции российского правосознания в контексте глобальных процессов конституционализации международных норм прав человека.

Ценность прав человека и его свобод, исходящая из признания человека высшей ценностью, как это явствует из Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека, оказалась абстрактно универсальной. Дальнейшая судьба прав человека, их закрепление в статусе позитивного права, действующего на международном и на национальном уровне, зависит от эффективности перехода от формальной к реальной политико-правовой ценности, разделяемой современной личностью независимо от ее расовой и языковой принадлежности и от национально-государственной идентичности.

Особенность воздействия международно признанных прав человека на правовые системы тех или иных государств, а соответственно, и на правосознание личности, - отсутствие абсолютной прямолинейности. Только в индивидуалистических международно-правовых концепциях личность полностью, без всяких оговорок, признана субъектом международного права и находится в поле его прямой и исключительной регламентации. В действительности же международное право в области прав человека, хотя максимально и приближено к каждой личности и обладает правовым свойством прямого действия, определяет общий и отчасти специальный правовой статус личности и ее правосознание благодаря своей соотнесенности с системой конституционного права того или иного государства.

Если до утверждения международных норм прав человека в комплексе во второй половине XX в. конституционное развитие в области прав человека происходило на национальном уровне и не исключало кроссконституционных рецепций, то в условиях правовой глобализации эти процессы находятся под преимущественным воздействием международного права. "Под влиянием международного права происходят важные изменения

Шугуров Марк Владимирович - доктор философских наук, профессор кафедры философии Саратовской государственной академии права.

и во внутреннем праве. Наиболее показательны в этом плане нормы о правах человека, образующие сердцевину конституций" [Лукашук, 2002, с. 120]. Путь к правовой государственности, демократии и правам человека предполагает имплементацию международных норм прав человека в национальное конституционное право и в национальные правовые системы. Это означает следование общецивилизационному конституционному стандарту, вобравшему следующие принципы: социально ориентированная экономика; социальное государство; подлинная демократия; социальная солидарность; свобода, равноправие, социальная справедливость.

Предпосылкой "вертикального" воздействия международного права на конституционное является то, что само международное право в области прав человека отвечает требованиям современного конституционализма, стремящегося создать юридическую базу для прогрессивного развития правосознания и правоприменительной практики. Здесь возможности международного права всецело связаны с отходом значительного числа государств от доктрины абсолютного суверенитета и от идеи полной независимости конституционного развития от международного права. Данное положение вполне справедливо и относительно конституционного развития современной России, отошедшей от социалистической доктрины конституционной имплементации прав человека и связанной с ней модели абсолютного государственного суверенитета [Международное... 1987]. Некогда это исключало полноценную интеграцию в международные контрольные механизмы. При современном международном правопорядке, основанном на обеспечении прав человека, международно-правовая система обретает конституционное ядро, отчего неведомым упрощением становятся представления об одностороннем "интервенционализме" международного права.

Сколько сегодня ни говорилось бы о кризисе государственного суверенитета, государства продолжают оставаться субъектами суверенного конституционного развития. Тем не менее в последнее время конституционное законодательство государств, претендующих на статус *современных* государств, закрепляет не замкнутую, а открытую модель суверенитета, предполагающую приоритет международного права. Устав ООН обязал государства участвовать в самом широком международном сотрудничестве в области прав человека. Это предполагает конституционное закрепление подобных ориентиров проводимой ими внешней политики. Однако государства не просто призваны сотрудничать на международной арене в области прав человека, но и осуществлять все возможные меры для полного обеспечения прав человека и гражданина на своей территории в качестве выполнения не только своих конституционных, но и международно-правовых обязательств.

Что касается конституционного развития современной России, здесь в самом начале 1990-х гг. осуществилась рецепция положений основополагающих международно-правовых актов в области прав человека. Достаточно указать на Декларацию прав и свобод человека и гражданина, принятую Верховным Советом РФ в ноябре 1991 г. и впервые закрепившую доминирующее место человека в системе ценностей общественного развития. Соответствие положениям Международного билля о правах и Европейской концепции о защите прав и свобод человека прослеживается в ст. 19 - 25, 45 - 54, 60 и 62 Конституции РФ 1993 г., принятой буквально через год после подачи Россией заявки на вступление в Совет Европы. Конституционная рецепция международных норм оказалась ключевой для построения отвечающего самым современным международным стандартам института прав человека, определяющего конституционный статус человека и гражданина. Это открыло возможность для продолжающегося и поныне процесса имплементации широкого перечня норм международного законодательства в отраслевое (трудовое, уголовное, уголовно-исполнительное и т.д.).

Системообразующий принцип российского конституционного строя конкретизирован в таких основных принципах правового статуса человека и гражданина, как равноправие, гарантированность, неотъемлемость. Система конституционного права России содержит гарантии необратимости вхождения российского общества в измерение, которое именуется "права человека". Однако в системе гарантий, помимо конституционно-

юридических и связанных с ними гарантий экономического, политического, социального характера, следует, на мой взгляд, выделить такой элемент, как имплементированность идей и ценностей института прав человека в российское правосознание. Именно правосознание оказывается ныне основной гарантией-условием и гарантией-средством обеспечения и развития прав человека.

Конституционализация правосознания открывает возможность формирования такого структурного элемента, как международно-правовое сознание, являющееся составной частью высокой правовой культуры. Основанием этому служит формулировка п. 4 ст. 15 Конституции РФ, утверждающая общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в качестве составной части российской правовой системы. После ратификации Россией в 1998 г. Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека, а также иных конвенций Совета Европы с полным основанием можно говорить о том, что европейское определение прав человека официально признано в качестве действующего права на территории России. Однако никакое (взаимо)дополнение внутригосударственных гарантий международно-правовыми гарантиями регионального и универсального характера немислимо без приобретения правовым сознанием и правовым поведением качества новой - национально-международной целостности.

В этих условиях без конституционализации правосознания, означающей предельную заинтересованность каждой личности в своих неотъемлемых правах и свободах и предполагающей переход прав и свобод от функциональной к сущностной ценности, национальная правовая культура, а с нею и все общество рискуют остаться в сфере минимальной интегрированности в процессы правовой глобализации. В условиях глобализации правовой культуры с центром в правах человека [Шугуров, 2005] правовое сознание заметным образом усложняется. Во многом это обусловлено вхождением в предельно тесное соприкосновение международного и национального права и международного права и национальных институтов прав человека и гражданина в частности. В результате в правосознании образуется синтетическое единство национально-конституционного и международно-конституционного уровней. Через формирование комплексного конституционного ядра правосознания пролегает путь к утверждению общецивилизационных ценностей прав человека, вне и без которых развитие личности в глобальных пространствах просто невозможно.

Для России особое значение обретает *индивидуализация универсальных прав и свобод*. Права и свободы продекларированы, но еще не осознаны российским человеком в их полном конституционно-международном объеме. Однако когда говорят, что провозглашенные Конституцией принципы и нормы декларативны, то забывают, что именно действующая Конституция предоставляет человеку возможность отстаивать свои права на национальном и международном уровнях, осознавать и утверждать свое человеческое достоинство. Несмотря на отсутствие в России зрелой и эффективной правозащитной системы, Конституция не препятствует, а напротив, предписывает необходимость ее скорейшего создания.

Декларируя права человека, Конституция обладает огромным потенциалом формирования нового качества общественного и личностного правосознания. Но здесь имеется множество помех не только организационного и законодательного характера, но и "громбов" в правосознании. Это низкая правовая культура со всей ее атрибутикой - отсутствием законопослушания, правовым цинизмом власти, повсеместным несоблюдением и игнорированием законов, несоответствием положений тех или иных законов самой Конституции. В условиях кризиса нормативности и нормативного субъекта потоки массовой культуры безудержно профанируют любое серьезное начинание, а любой текст, в том числе правовой, расценивается как текст, поглощающий жизнь. В такой ситуации требуется комплекс серьезнейших усилий, в том числе на уровне государственной политики, для того, чтобы закрепленные в Конституции нормы не воспринимались всего лишь как необеспеченные декларации, создающие поверхностный фасад, призванный

вести в заблуждение западные демократии (да и самих себя) из-за всегдашнего стремления принимать должное в качестве сущего.

Правовое сознание: перипетии либерализации ценностей

В настоящее время нельзя говорить о полной непрявленности, а то и об отсутствии в России либерального индивидуально-конституционного правосознания. Однако правовое сознание в целом еще остается инерционным и слабо либерализуется. В своей антитетичности оно по-прежнему аналогично политической ментальности - жажда свободы соседствует с потребностью в сильной руке, стремление к социальной справедливости как фактическому равенству сочетается с желанием активизации рыночных отношений. Как бы Конституция сверху ни задавала единое правовое поле как условие формирования индивидуального сознания, существует самостоятельный процесс эволюции правосознания, связанный с политическим процессом: права человека исторически эволюционировали из политико-правовой ценности в ценность правовую.

История показывает, что в ходе становления новоевропейского типа государственности права человека были вначале политической декларацией, получившей в дальнейшем правовое закрепление. Российский конституционализм конца XIX - начала XX в. оказался полем развертывания аналогичной логики утверждения прав человека. Конституция мыслилась гарантом от вмешательства в свободное нравственное развитие личности [Русский... 2003, с. 408]. В целом, применительно к России только сейчас на уровне конституционных положений воплотилась идея русского либерально-консервативного конституционализма о материальной связанности государства правом, дополняемая ныне связанностью международно-правовыми обязательствами в области прав человека. В ходе политической демократизации начала 1990-х гг. права человека стали политическим брендом самоограничивающейся государственной власти. На практике российское общество не перестало страдать, но уже не от чрезмерного вмешательства государства, а от недостатка его вмешательства в те сферы, где его присутствие необходимо, например в сферу правового образования и воспитания.

Конституционно закрепленные права и свободы в российской среде имеют не только несовершенную правовую систему, но и несовершенную политическую систему, в том числе и незрелую партийную демократию. Западные аналитики, особо внимательно отслеживающие качество российской демократии и направления эволюции политической системы, свидетельствуют о нарастающей тенденции свертывания демократических преобразований и пробуждении авторитарных иллюзий, тогда как адекватная среда прав человека, подлинная и эффективная (в терминологии права Совета Европы) - демократия. И если в политической культуре не перестает доминировать пассивный тип личности, то о правовой культуре можно сказать то же самое. В итоге политические права и свободы в полной мере не осваиваются и не актуализируются (во многом это следствие дарования нам свободы, а не ее завоевания). Права человека предполагают активного "пользователя", идеал которого закреплен в международно-правовых соглашениях. Но вопреки логике политического процесса активный правовой тип, несомненно, присутствует. Без этого нельзя было бы объяснить частоту обращения российских граждан в Европейский суд по правам человека и готовность отстаивать свои права в Конституционном суде. При всей справедливости демонстрации успехов в освоении ценности прав человека общий фон не выглядит радужно: сторонников авторитаризма гораздо больше, чем последовательных демократов. Вне всестороннего развития демократии на всех уровнях жизни достаточно устойчивой может оказаться тенденция свертывания демократической модернизации, а следовательно, и возрастание числа случаев необоснованного ограничения прав человека.

Траектории развития политического сознания непредсказуемы. В свете думских выборов 2003 г. и последующих событий заметно "проседание" либеральных (в классическом духе) идей. Это побуждает посмотреть на Конституцию сквозь призму либерализма. На первый взгляд, Конституция 1993 г. радикально либеральна, ибо на первое место

выдвигает гражданские права и личные свободы, выражающие интересы личностного самоопределения. Однако при более пристальном рассмотрении вполне отчетливо проглядывается не либеральный (в духе новоевропейского и американского конституционализма XVII в.), а именно социолиберальный синтез Конституции 1993 г. - совмещение прав и свобод с проведением принципов справедливости и идей социального государства. Такой подход созвучен небезызвестной школе возрожденного естественного права (П. Новгородцев, С. Гессен), заметным образом скорректировавшей традиционную либеральную парадигму, и находится в русле современного западноевропейского социализированного либерализма, воплотившегося в европейских нормах прав человека.

В Конституции РФ произошло совмещение либерализма и коммунитаризма. Отсюда вопрос: как все это трактовать - то ли как совмещение несовместимого, допущенного в связи со спешкой, то ли как перспективное взаимодополнение. От ответа на данный вопрос во многом зависит оценка Основного закона либо как эффективной, то есть соответствующей благоприятным футурологическим установкам правового сознания, то ли как неэффективной вехи в развитии российского конституционализма. Конституцию 1993 г. следует оценивать (по крайней мере в части, касающейся прав и свобод человека) как несомненный прогресс и как проявление зрелого социально-либерального (в европейском духе) конституционализма.

Другое дело, что со стороны власти этот конституционализм нельзя считать искренним и последовательным. И поэтому, когда говорится о том, что "права человека должны стать приоритетной целью деятельности российского государства, его органов и должностных лиц, призванной изменить положение человека, создать ему достойные условия для жизни, гарантировать свободу, равенство, социальную защищенность" [Комкова, 2002, с. 5], то тем самым признается тот факт, что пока права человека таким приоритетом не являются. Налицо попадание российского общества в его движении от неправа к праву в "отсек" квазидемократии. Как бы то ни было, логика развития прав человека, помноженная на либерализацию общественного сознания и общественного строя, привела к вычленению индивида как самостоятельного субъекта - носителя индивидуального правосознания. Это уже далеко не автоматический носитель коллективных представлений, ибо аксиома современного международно-правового и конституционного сознания - признание в качестве исходного пункта таких объективных свойств личности, как достоинство, независимость, свобода. И хотя, по опросам, только 10% россиян знакомы с текстом Конституции, тем не менее 40 - 45% населения разделяют либеральные ценности, правда, не всегда являющиеся последовательными мотивами их деятельности. Этот слой сам по себе - возможная почва для перспектив развития прав и свобод.

Процесс либерализации сознания, связанный с осмыслением людьми своего достоинства и своей значимости, не должен настраивать на необратимо мажорный лад. Отказ от политического радикального либерализма не означает отказа от либеральных ценностей как таковых. В пределах меняющегося общественного сознания, сопровождаемого всплесками маргинального сознания и жадной сильной руки, которая, как известно, ставит себя над правом, подрывая или же имитируя конституционный порядок, несомненно, происходит осознание своей отдельности - автономности и независимости - и своих прав. В господствующем в конституционализме представлении о том, что ценность личности выше любых других ценностей нации, класса, группы отражается принцип международных прав человека, гласящий о том, что все коллективные права производны от прав и свобод личности. Но следует заметить, что, несмотря на всю свою производность, коллективные права имеют самостоятельное значение и соответствуют третьему поколению прав человека, ориентированному на самоограничение индивидуализма.

Вследствие либерализации российского общества важнейшей ценностью выступает пока неограниченный индивидуализм, выражающийся в готовности человека для достижения своих целей идти напролом. Права человека изначально связываются с "индивидуумом", однако все больше общество приходит к пониманию того, что они работают в позитивном ключе только в случае, если предварительно осуществлена гармонизация

или взаимное сдерживание индивидуализма и коллективизма, достигающаяся через реализацию баланса прав, обязанностей и ответственности. В этом случае эгоизм и индивидуализм становятся разумными.

Пока же у нас преобладает именно осознание каждым прав человека как своих: российский человек более интенсивно индивидуализирует субъективные права, нежели осознает их универсальность. В России, где никогда не было оптимального баланса коллективизма и индивидуализма, привнесение в политико-правовое, да и в моральное поле ценностей конституционно зафиксированных прав и свобод, скорее всего, пока работает на укрепление позиций одностороннего индивидуализма, взрывающего социальную консолидацию. Это не означает, что Конституция не соответствует духу международного законодательства. То, что ценность прав пока не уравновешена ценностью ответственности перед обществом - проблема правовой жизни, заключающейся в одностороннем усвоении прав и свобод.

В сценарии победы *Я* над *Мы*, подмеченной отечественными социальными психологами, - повторение первых ступеней того эффекта свободы, что некогда осознал европейский человек. Но именно радикальный, робинзоноподобный либерализм мешает перейти к другой стадии - гражданскому обществу и правовому государству, где функционируют эффективные институциональные гарантии данных прав. Совершенно не случайно сегодня в России права и свободы стали определенной ценностной ориентацией, но не основой, на которой возможна консолидация общества. Однако и деконсолидирующим фактором права человека вовсе не являются. Российское общество представляется "идеологически разделенным на части не столько из-за различного отношения к правам человека, самой идее народовластия или демократии... сколько из-за разного отношения к результатам политики реформ, начавшихся под лозунгом развития демократии и защиты прав человека" [Рукавишников, 1999, с. 128]. Вероятно, по причине объективной расколотости, дезинтегрированности российского общества конституционные нормы, устанавливающие максимально широкий перечень прав и свобод, как раз и воспринимаются как декларации, ибо они еще не стали фактором консолидации российского общества. Гарантом как от массового и авторитарного ограничения прав и свобод, так и от свертывания правосознания остается конституционный институт прав человека.

Сегодня уже нельзя сказать, что реформирование различных составляющих общественной жизни проходит мимо измерения прав человека. Оно начинает настраиваться на них, ибо, действительно, бедность, да и опасная по меркам международных стандартов стратифицированность российского общества могут рассматриваться как явное нарушение прав человека и очевидное несоответствие международным социальным стандартам. Фактически та стабилизация, которая ныне достигнута в России, воспринимается как плацдарм для качественного прорыва. И здесь важен один момент: права и свободы человека не могут в своей реализации откладываться "на потом", они - не только цель, но и способ реформирования. А вот здесь и заложены серьезные затруднения: лишь зарождаются умения и навыки людей повседневно реализовывать свои права, не нарушая при этом прав других сограждан.

Современная независимость друг от друга способна многие конституционные нормы заставить работать на себя, то есть на увеличение анархизированных пространств. Формирование же индивидуального правосознания в свете конституционного порядка предполагает складывание трансформирующих анархию структур гражданского общества. Анархическая вольница, в которой свято только мое право и мой интерес, ничего общего с правочеловеческим измерением не имеет. В последнем случае конституция просто не может выполнять функции амортизатора центробежных сил и проявить весь свой потенциал в условиях незрелого индивидуального правосознания. Все анархистские тенденции, которых более чем достаточно и в западных демократиях, при подлинном конституционном порядке должны фигурировать исключительно в снятом виде, когда каждый отрезок и фрагмент правового бытия - отсылка к Конституции.

Для того чтобы активно осмысливать свои права, необходима особая правовая культурная атмосфера, развивающаяся по мере осознания этих прав как прав позитивных, а не только как субъективно переживаемых. Однако современная российская повседневность выстраивается по социокоду массовой культуры, что маргинализирует конституционные нормы: они перестают быть прямой ценностно-нормативной детерминацией, предполагающей высокую культуру рационального мышления и поведения. Изменения же в массовом сознании по своему типу сходны с мутациями, с разрушительным цунами, что является, по сути, проблемой общемировой. Универсальность провозглашенных Конституцией прав требует адаптивного преломления универсальных международных прав с поправкой на российские условия. Но интернациональная массовая культура становится вязкой средой для реализации этой задачи.

Конституция совершенно не обязательно должна быть непрерывной актуальностью для повседневной жизни. Но для правосознания она центральна, ибо оно конструирует себя в ее фокусе, задавая неявный конституционный строй самой повседневности. Качественным признаком правосознания выступает дисциплинарность, одновременно являющаяся и структурным элементом конституционного строя. Действительно, лишь законопослушный субъект может быть субъектом конституционного порядка как главной юридической гарантии прав человека. Нормативная необустроенность, то есть отсутствие навыков мыслить и действовать нормативно, точно поступать в соответствии с буквой закона, - серьезнейшее препятствие для развития российского индивидуального правосознания в направлении упрочения "человеческого измерения" и рождения в человеке правовой личности. Прочные позиции "человеческого измерения" *a priori* означают, что индивид прошел правовую социализацию и стал правовой личностью, то есть человеком, самосозидающим себя в правовом поле и разворачивающим в нем свою деятельность, что совершенно противоположно сценарию "по своей глупой воле пожить".

В правах человека как таковых происходит совмещение в едином пункте права и нравственности. Российские же правовое индивидуальное и общественное сознание никогда не отличались юридизмом, присущим западной культуре. Подобно тому, как западное сознание сумело наполнить нравственным смыслом через права человека правовую "машинерию", так и российскому сознанию предстоит задача наполнения, но уже нравственной жизни правовыми ценностями. Без этих усилий несомненное влияние Конституции в виде формирования особой семантики и речевого поведения, а также вкраплений правовой терминологии и риторики грозит оказаться имитацией. Пока же либеральные ценности - свобода, справедливость, права человека, правовой строй - скорее объекты долженствований.

Человек и власть в конституционном измерении

Основной закон вполне определенным образом задает правовой вектор трансформации тех проблем, которые сложились в России. Одна из таких проблем - отношения человека и власти. Конституция - форма легитимации власти, с которой она так или иначе связана, поскольку является итогом определенных процессов во властеотношениях. Ставшее традицией и сохраняющееся поныне недоверие к государственным институтам - не повод для отторжения Конституции, исходящей не столько от власти, сколько от народа как суверенного субъекта, источника всякой политической власти. Поэтому Основной закон не следует рассматривать исключительно с позиций принципов самоограничения власти, которые призваны по-особому конструировать общественную жизнь. Думается, что в конституционном пласте правосознания оппозиция граждан официальному миру власти значительно снижается, и это позволяет воспринимать ее как "наше", "свое", а не дарованное "ими".

Вписанная в координаты конституционного порядка государственная власть попадает в поле решения задачи, поставленной международными нормами прав человека, - стать правовой и преодолеть свое право сильного с тем, чтобы выполнять гуманитарные функции. И хотя на практике именно от власти исходит умаление конституционно

закрепленных прав и свобод человека, все же появляются механизмы влияния на власть (не только на исполнительную, но и на судебную) посредством подключения на конституционной основе к международным институтам защиты прав человека.

Конституционная легитимация ценности человека, его прав и свобод накладывает отпечаток и на легитимацию государственно-политической власти, отныне призванной к обеспечению данных прав и свобод: человек поставлен над властью в качестве стратегической цели ее деятельности. Это задает принципиально новые направления функционирования власти: деятельность всех органов, входящих в конституционную систему публичной власти, должна быть подчинена осуществлению интересов личности. Иначе говоря, в совершенно либеральном духе изменились акценты в системе "человек - власть", относящиеся к основным параметрам конституционного строя. Подобная перекомбинация в отношениях человека и власти - начинание, деструктивно воздействующее на традицию подавления человека государством, но и несущее с собой заряд конструктивности. Конституция не просто доводит "догадку" российского человека о своих правах в разряд властно-правовой декларации, но и формирует иное качество самой свободы. Такая свобода совместима с будущим как постиндустриализмом - исторически новой эффективной формы организации социальных связей, предусматривающей в сетевом по своей природе обществе не только акцентуацию субъективных прав, но и признание *прав Другого*.

Конституция 1993 г. стала революционным скачком вперед. Несомненно, она позволила стабилизировать политическую жизнь и усилить исполнительную власть. Однако ошибкой было бы сводить ее значение лишь к решению задач переходного периода, она не потеряла своей актуальности для последующего прогрессивного развития общества и для развития конституционно-правового сознания российского общества. Как верно отмечает А. Медушевский, на начальной стадии правовой реформы внимание было сконцентрировано на общих законодательных принципах; несравнимо меньше внимания было уделено созданию соответствующих условий, механизмов и институтов, обеспечивающих признание принципов правового государства и их осуществление [Медушевский, 2002, с. 8]. При всех объективных недостатках реализации и защиты прав и свобод человека со стороны российской правовой системы Конституция полностью соответствует новейшим стандартам в области прав человека. В отличие от конституций развитых демократий она в консолидированном виде и в отчетливых формулировках преподносит перечень прав и свобод, которые не "распылены" по всему конституционному законодательству, как это имеет место в США, Великобритании, Бельгии, Австрии и т.д.

Однако непоследовательная демократизация российского общества при прогрессе в конституционном развитии и адекватности самым современным конституционным стандартам приводит к деактуализации прав человека в массовом и индивидуальном сознании. Во многом это объясняется снижением действия политического фактора в развитии правосознания. Как констатируют некоторые аналитики, проблематика соблюдения и защиты прав человека, "к сожалению, ушла на периферию фокуса общественного сознания, не привлекает внимания, в том числе и соответствующих должностных лиц", тогда как основной пафос перестройки заключался в лозунге соблюдения и защиты прав человека [Максимов, 2003, с. 7]. Граждане России при остром отчуждении от политического процесса ныне обеспокоены не терминологией, а реальным содержанием прав. Однако поддержание высокого уровня политико-правовой модернизации сознания, безусловно, требует соответствующей терминологии, свидетельствующей о понимании природы прав. Не является примером здесь и сама власть, не способная мыслить и выстраивать взаимоотношения с гражданами в форме подобной терминологии. Власть в целом можно признать несвоевременной, то есть пребывающей в былой модальности "самодержавия", когда права человека не регулировали ее отношения с подданными.

Неэффективность государственного сектора правозащитной системы становится не только в России, но и во всем мире одним из факторов кризиса как модели националь-

ного государства, так и национально-государственной идентичности личности. Действительно, вряд ли можно говорить о соблюдении, реализации и тем более защите прав человека в дезорганизованной и слабой государственной среде. Однако и от мощного государства, не имеющего в качестве партнера личность и гражданское общество, исходит явная опасность для прав человека. Поэтому укрепление государственности в современном мире должно происходить не за счет прав человека, а во исполнение их на основе институционализации диалога власти и общества.

Большой удар по укреплению в ценностном мире россиян прав человека сыграло и отсутствие у предшествующего реформирования "человеческого лица": права человека до последнего времени не были провозглашены смыслом реформ и ориентиром государственной политики. Конституционно закрепленный за человеком статус цели социальной жизни совершенно не соответствовал его реальному положению. Реформирование в стиле вестернизации общественной жизни, рассматривающей коллективную сплоченность как нечто нерациональное, из чего якобы проистекают все беды, не только не привело к цивилизирующему эффекту, сколько, наоборот, способствовало анархизации. Рост недоверия людей друг к другу и стремление решить все проблемы своими силами при сохранении упований и даже претензий к государству привели к ситуации, в которой вряд ли может произойти утверждение прав человека.

Российский правовой менталитет: проблемы модернизации

Очевидная модернизация внешнеполитических правовых форм, кардинальные преобразования в политической, социально-экономической сферах российского общества со всей неизбежностью ставят вопрос о том, каковы степень, глубина, характер и последствия модернизации политико-правового сознания и самосознания россиян. Ведь в конечном счете перспективы выстраивания жизни в новых институциональных формах во многом зависят от их подкрепления соответствующими изменениями в сознании и в мотивациях каждого конкретного человека. То, что в политико-правовом сознании происходят значительные изменения, не вызывает сомнения. Но при этом не следует забывать, что у истоков изменений в сознании и самосознании находятся более важные изменения в менталитете.

Длительное время в отечественной теории права правовому менталитету не уделяли должного внимания. Традиционно считалось, что в правосознании главная роль принадлежит не правовой психологии, а правовой идеологии, что совершенно не учитывало особенности российской правовой культуры, заключающейся в преимущественно экзистенциальном переживании права. Конституционный слой российского менталитета, соответствующий действующим нормам прав человека, ныне находится в стадии генезиса. Поэтому возникают сложности в эффективном использовании уже имеющихся способов защиты прав и свобод. Переход на современный уровень осознания и защиты прав в духе международно-правовых стандартов требует определенной рационализации правосознания. Это невозможно вне и без преодоления отчуждения российского менталитета в целом от закрепленных международным правом общечеловеческих ценностей. В свете этих ценностей высвечиваются негативные стороны российского менталитета, в частности недостаточная представленность в нем позитивных идеалов и ценностей, а также его несоответствие общедемократическим правовым ценностям. "Российский менталитет неадекватно воспринимает ценности правовой культуры общества... дистанцируется от правовой культуры, от ее общечеловеческих ценностей и начал, таких как неотчуждаемые права человека, правовая автономия индивида в рамках юридического сообщества, доминанта права над государством и т.д. Это происходит, поскольку данные социально-правовые ценности для российской ментальности не традиционны. Они не стали "родными" для российского сознания, что объясняется его нерационализированностью" [Байниязов, 2000, с. 39 - 40]. И хотя в контексте освещенных выше процессов трансформации правосознания приведенные суждения недостаточно

объективны, все же имеются основания высказать обеспокоенность относительно необратимого характера принятия российским человеком своих исконных прав.

В современных российских условиях утверждение конституционализма и прав человека - синхронные процессы, для которых необходим плодородный слой ментальности, выражающий способность жить и мыслить иначе. В этой связи Конституция видится как креация слоя правосознания, способного противостоять потоку его деформации. Для России, где крайне слабы структуры гражданского общества и традиции конституционализма на уровне массового сознания, это особо злободневно. По этой причине в конституционно закрепленных правах и свободах не следует усматривать выражение присущего российскому человеку свободолюбия, ибо оно тесно переплетено с правовыми нигилизмом и аскетизмом. Слой неправовой ментальности, даже если он и наполнен стремлениями к свободе, - не та инстанция, которой адресованы конституционные права и свободы. То сознание, которое является субстратом прав и свобод, еще предстоит формировать совместными усилиями государства, гражданского общества и самой личности.

Как бы то ни было, но быстрота законодательного подтверждения прав и свобод человека на фоне исторической памяти о подавлении человека государством вызвала не настороженность, а определенный катарсис, ознаменовав не эксклюзивные, а устойчивые широкомасштабные изменения в индивидуальном и массовом правосознании современной России. Конечно, не представляется возможным все успехи приписывать только Конституции, просветившей российского человека относительно его прав. Немаловажную роль сыграли здесь повседневные усилия правозащитного движения - исконного носителя, правда, иногда индивидуалистического, международно-правового сознания.

Место конституционных, а тем более международных норм в мотивации поведения, хотя и занимает весьма скромное место, но, несомненно, имеет перспективу расширения, несмотря на все наследство правового менталитета, сформировавшегося до утвердившихся недавно беспрецедентных принципов основ правового статуса личности. Но есть опасность, что, попадая в контекст низкой правовой культуры и невнятной правовой системы, не способной обеспечить их содержательно, они либо деформируются, либо опустошаются. В обоих случаях они не срабатывают, оформляясь как декларативная ценность, не оказывающая существенного воздействия на происходящие процессы. И это не только проблема России, но и проблема всех модернизирующихся обществ. Вне становления прав человека в качестве ценности каждой личности вряд ли можно говорить об устойчивости данного института в целом. В этой связи предельно ясен ответ на вопрос, что определяет поведение россиянина - права и свободы или же нормы низкой правовой культуры, предусматривающей решение тех или иных вопросов по "понятиям", а не по законно установленным правилам.

Средний слой либерализованного сознания вновь оказывается незначительным, а ведь именно он - субстрат прав и свобод. Таким образом, "русская стихия" (Ф. Достоевский) вновь оказывается воспроизведением амбивалентности российского характера и жизни, определивших доминанты русской культуры, сказавшиеся на правовом развитии России [Глушкова, 2001]. Следует полностью согласиться с мнением, что "усвоение ценностей находится в прямой зависимости от возможностей их реализации" [Чудикова, 2003, с. 17]. Реальная незащищенность прав не способствует их закреплению в качестве ценностей правосознания. Любое замедление с реализацией прав играет не в пользу укрепления ценностей правосознания и чревато разочарованием в продекларированных ценностях.

Разочарование, сменяющее очарованность, - серьезный эмоционально-психологический фактор, оказывающий воздействие на правосознание, формируя стойкое безразличие и авторитарную правовую идеологию. В российском сознании, маятникообразно движущегося от веры к безверию, особо опасна разuverенность в конституционализме как в правовой идеологии и в правовом строе. К тому же XX в. для России оказался чрезвычайно насыщенным конституционным творчеством, но единой конституционной традиции так и не сложилось. Отсутствие мощных традиций народного конституциона-

лизм оставляет конституционные права и свободы один на один с сознанием российского человека. Поясняющим контекстом Конституции является вся совокупность связанных с ней правовых идей, теорий, доктрин, в том числе международно-правовых. Если она с ними связана недостаточно, то необходима работа по вписыванию Конституции в мощный контекст современного юридического теоретического мышления, в котором отмечается необходимость дополнения идеационной (и подчас гиперрациональной) правовой культуры связью с чувствами и переживаниями человека. Еще раз следует обратить внимание на то, что "менталитет" этимологически означает строй не только мыслей, но и чувств. Правосознание в его широком понимании - это не только интеллектуальное образование: у ответственной личности оно складывается из комплекса и других сегментов - предчувствий, ожиданий, устремлений, предвзятостей, коренящихся в правовой ментальности.

Оценка всех происходящих в мире событий с позиций прав человека стало нормой на уровне субъектов международно-правовой политики в области прав человека, и если она укрепитя на уровне личности, признанной ныне в качестве аналогичного субъекта, то это будет действительным расцветом демократии и прав человека. Появление индивидуальных актов освоения прав человека резко изменит структуру общественного мнения, сделав его не безликим и абстрактным, а персональным и конкретным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Байниязов Р. С. Правосознание и российский правовой менталитет // Правоведение. 2000. N1.

Глушкова С. И. Проблема правового идеала в русском либерализме. Екатеринбург, 2001.

Комкова Г. Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека в России. Саратов, 2002.

Лукашук И. И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. 2002. N 3.

Максимов О. Права человека в современной России // Власть. 2003. N 10.

Медушевский А. Н. Сравнительное конституционное право и политические институты. М., 2002.

Международное сотрудничество государств в области прав человека. Киев, 1987.

Рукавишников В. Политическая культура и права человека в постсоветской России и странах Запада: сравнительно-типологический анализ // Права человека в России: прошлое и настоящее. Пермь, 1999.

Русский конституционализм в период думской монархии. М., 2003.

Чудикова И. М. Социально-политические ценности современного российского общества: проблемы их обновления и усвоения // Социально-гуманитарные знания. 2003. N 5.

Шугуров М. В. Права человека, глобализация правовой культуры и международные отношения // Глобальное пространство культуры. СПб., 2005.